

© 2014

G.A. Ozhegova, PhD, Associate Professor, Department of theory of State and law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: This article describes trends associated with the implementation of the principle of freedom of contract. Examines a new approach to the definition of effect or the imperative character of the rule of law.

Keywords: the principle of freedom of contract, the legal and mandatory rules, obligations.

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ

© 2014

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства
и права

Самарский юридический институт ФСИИ России, Самара (Россия)

Аннотация: В статье представлены результаты анализа двух элементов формуляра жалованных грамот (*dispositio* и *sanctio*), которые позволили дать новое для историко-правовой науки определение жалованных грамот, выявить критерии их отличия от других грамот, с которыми их часто смешивают. Отдельно рассмотрены вопросы юридической ответственности в жалованных грамотах.

Ключевые слова: источники русского права, право Московского государства, жалованные грамоты, классификация грамот.

Среди всех источников русского средневекового права жалованные грамоты реже всего привлекаются для раскрытия проблем юридической ответственности. Между тем в составе формуляра жалованных грамот есть важный элемент, который напрямую связан и с юридической ответственностью, и с важной проблемой классификации этой группы источников права.

Первые попытки обобщения огромного массива жалованных грамот и составления сводного текста относятся к XIX в. Первой такой работой, носившей глубокий и обстоятельный характер, является исследование А.Н. Горбунова. Несмотря на последующую критику со стороны советских исследователей и обвинения в антиисторическом подходе, в работе Горбунова был последовательно выдержано стремление систематизировать жалованные грамоты в связи с их юридическим содержанием, для чего им были использованы особенности формальной стороны грамот.

А.Н. Горбунов отождествлял жалованные грамоты с понятиями «льготные» и «тарханные», понимая под ними «такие акты, по которым высшая власть ... предоставляла какому-нибудь физическому или юридическому лицу или имуществу в собственность, во владение, или право на изъятие от нормального порядка вещей» [1, с. 1,2]. Основу его исследования составили 230 жалованных грамот, отобранных по двум критериям: 1) принадлежность к хронологическому периоду XIII-XV вв.; 2) адресатом выступали церкви и монастыри.

А.Н. Горбунов выделял санкцию среди трёх устойчивых элементов формуляра [1, с. 13]. Определив наиболее часто встречающуюся конструкцию, Горбунов не смог объяснить или классифицировать многочисленные отклонения от неё.

Д.М. Мейчик в своём исследовании основывался на анализе корпуса из вводимых им в научный оборот 110 жалованных грамот, которые должны были дополнить источниковую базу, изученную А.Н. Горбуновым. Д.М. Мейчик отмечал, что сделанные А.Н. Горбуновым наблюдения только в некоторых частностях дополняются новым материалом, но при этом справедливо указывал на недостаточно полное раскрытие формальной стороны и юридического значения жалованных грамот [2, с. 4-5].

Нарубеже XIX-XX вв. в научный оборот были введены многочисленные жалованные грамоты служилым людям, что существенно повлияло на дальнейшие исследования этой группы актов [3]. Уже в первых исследованиях, вышедших после 1917 г., эта группа жалованных грамот становится ядром источниковой

основы [4; 5]. Кроме того, после революции 1917 г. массив жалованных грамот существенно пополнился в результате источниковедческих работ в архивах Троице-Сергиева, Макарьева-Колязина, Симонова, Кирилло-Белозерского и других монастырей.

В советской исторической науке жалованные грамоты интересовали исследователей прежде всего в качестве источника по истории феодальных отношений. В полной мере противоположность подходов дореволюционной и советской историографии раскрывается в жёсткой критике Л.В. Черепниным работ А.Н. Горбунова и Д.М. Мейчика [6, с. 98-100]. С точки зрения советского исследователя, дореволюционные историки слишком много внимания уделяли абстрактным юридическим категориям, не раскрывающим, а затемняющим конкретное историческое содержание грамот [6, с. 100].

Изучение жалованных грамот, их формы и содержания было непосредственно связано с изучением феодального землевладения и классовых отношений. Например, Л.В. Черепнин сформулировал следующие задачи изучения жалованных грамот: «Жалованные грамоты должны раскрыть нам как формы эксплуатации непосредственных производителей методами внеэкономического принуждения, так и политику княжеской власти в области феодального землевладения» [6, с. 111].

Л.В. Черепнин положил в основу классификации жалованных грамот два критерия: статус адресата и предмет грамоты. Жалованные грамоты привилегированным землевладельцам он предложил разбить на следующие группы: 1) грамоты, закрепляющие переход недвижимой собственности в руки феодалов; 2) грамоты, предоставляющие судебные привилегии; 3) грамоты, предоставляющие землевладельцам освобождение от различных податей и повинностей; 4) охранные (заповедные) грамоты на феодальные владения; 5) грамоты, предоставляющие право на производство промыслов и торговли и сбор торговых и таможенных пошлин [6, с. 112].

В современной науке жалованные грамоты по-прежнему преимущественно интересуют исследователей с точки зрения источниковедения, раскрытия особенностей политической и социально-экономической истории [7; 8; 9]. Отдельно следует отметить работы С.М. Каштанова, внёсшего существенный вклад в изучение формуляра жалованных грамот с точки зрения дипломатики [10; 11].

Практически все исследователи жалованных грамот выделяли такой постоянный элемент их формуляра как

санкцию (sanction в европейской дипломатике). В отличие от других, не выделяя *sanctio* в виде обязательного элемента формальной стороны жалованных грамот, Д.М. Мейчик отмечал, что чаще всего в заключительной части грамот встречается угроза за ослушание «в самых общих выражениях» [2, с. 9]. По мнению исследователя, обобщенная санкция вводилась в тех случаях, когда угроза относится к должностным лицам, имевшим возможность нарушить льготы. В тех случаях, если адресат грамоты получал льготу, направленную против частных обидчиков, то санкция носила конкретный характер и была выражена рублевой, двухрублевой и т.п. заповедью или же взысканием двойных убытков без суда [2, с. 9].

Действительно, чаще всего жалованные грамоты содержат светскую *sanctio*, выраженную обобщенно, неконкретно: «а кто сей моей грамоты ослушается, имь отъ меня быти въ казни» [12, с. 4].

В жалованных грамотах не встречается сакральная *sanctio*, но иногда она соединяет в себе сакральный и светский элемент: «а кто детей моихъ, или братьи моее, мое данье порушить, а то судить ему Богъ и святыи Геворгий въ страшное свое пришествіе, а Князю Великому дать сто рубля...» [12, с. 2].

Дополнительный светский элемент мог включать в себя не только штраф, но и телесное наказание: «... да не будетъ на немъ милость Божія и Его пречистые Матери и присещенія великого Архистратига Михаила, и проклять будетъ въ си векъ и въ будуще; а къ тому азъ Князь Великии велю его казнити торговою казнью, а себе возьмемъ на немъ вину противу дани съ архимандритомъ наполю, а взятое велимъ взяти втрое и съ проторы» [12, с. 27]. Здесь *sanctio* разделяется на сакральный и светский элементы, при этом последний включает в себя две меры уголовной ответственности: телесное наказание в виде торговой казни и штраф. Сумма штрафа определяется на основе незаконно взысканной дани (в нарушение жалованной грамоты), при этом сумма незаконного сбора увеличивается в три раза и к этой сумме прибавляются убытки, причиненные незаконными поборами. Как и в других грамотах, половина взысканного с нарушителя штрафа поступает в княжескую казну, другая половина – монастырским властям.

Исключительно редко встречающаяся конкретно-определенная светская санкция упоминается, например, в новгородской жалованной грамоте, выданной городской общиной Троицкому Сергиеву монастырю: «А кто сю грамоту Новгородскую переступить ... и онъ дастъ посаднику и тысяцькому и всему господину Великому Новгороду пятьдесятъ рублевъ въ стену» [12, с. 32].

Помимо *sanctio* нормы уголовно-правового характера встречаются в другом элементе формулы жалованных – в диспозитивной части грамоты. Именно с этим элементом формулы следует связывать вопрос идентификации грамоты как жалованной. Очень часто исследователи строят свою классификацию жалованных грамот на различении вариантов *dispositio*, выделяя в качестве отдельных подвидов, например, грамоты, закрепляющие переход недвижимой собственности в руки феодалов [6, с. 112]. Однако сама по себе передача недвижимого имущества не может быть содержанием диспозитивной части жалованной грамоты. Для оформления такого рода правоотношений существовали другие разновидности (уже не публично-правовых, а частно-правовых) грамот – прежде всего, данные грамоты. Жалованной грамота становится в том случае, когда её посредством передаётся определённый объём публичной власти: передача недвижимого имущества князем монастырю будет оформлена данной или вкладной грамотой, а передача той же недвижимости, но уже с правом сбора определённых даней или передачей права суда будет оформлена жалованной [12, с. 11, 31-32]. То же касается и тех жалованных

грамот, где содержанием *dispositio* является разрешение феодалу приобрести тяглую деревню – опять же, важным условием выступает регуляция определённым объёмом публичной власти, например, оговаривается, что в последующем фискальная и судебная власть закрепляются за новым собственником [12, с. 15]. Или в тех грамотах, где адресату даётся позволение купить пустоши с освобождением от даней населения, которое новый собственник сумеет привлечь на эти земли [12, с. 28], – жалованной эту грамоту делает, конечно, не разрешение купить земельный участок, а это условие, предусматривающее определённое регулирование в сфере публично-правовых отношений.

При предоставлении судебных полномочий жалованные грамоты часто делают оговорку, исключая из ведения адресата дела о душегубстве, разбое и татьбе с поличным: «а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоце не судити, опроче татбы и розбоя и душегубства, а то судить ихъ человекъ святаго Юрья промежи собою» [12, с. 2]. Впрочем, многие грамоты не делают такого исключения [12, с. 3], а сам этот элемент долгое время не имел устоявшейся формы: в жалованных грамотах часто говорится только о душегубстве, или о душегубстве и разбое, или о душегубстве и разбое с поличным и т.п.

Таким образом, жалованные грамоты можно определить как разновидность источников права, передававших определённый объём публичной власти (как правило, фискальной и судебной) в руки частных лиц, светских и духовных феодалов. Именно в этом состоял сам акт «пожалования», а не в передаче недвижимых имуществ, не в разрешении на приобретение недвижимости и т.п. Тот факт, что на это обстоятельство не обращали внимание в историко-правовой науке, привёл к тому, что жалованные грамоты часто смешивают с данными, вкладными, уставными, купчими и др. Между тем, жалованные грамоты составляют чётко определённую группу актов, которые можно отграничить от других разновидностей, тем более от частноправовых грамот.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований по проекту №13-03-00099 «Источники русского права (X-XVIII вв.): историко-теоретическое исследование»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбунов А.Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV веках // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. I. СПб., 1860.
2. Мейчик Д.М. Грамоты и другие акты XIV-XV вв. Московского архива Министерства юстиции. М., 1883.
3. Акты XIV-XV вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч.1. М., 1898.
4. Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.
5. Пресняков А.Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость // Летопись занятий Постоянной историко-археологической комиссии. Вып. 34. Л., 1927.
6. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч.2. М., 1951.
7. Комочев Н.А. Жалованные грамоты великого князя Василия III Волоколамскому Воскресенскому собору 1514-1516 гг. // Исторический архив. 2011. №4. С. 189-198.
8. Кучкин В.А. Сотские в жалованных грамотах XV – начала XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. Т.18. №4. С. 63-81.
9. Ельчанинова О.Ю. Царские указы XVII в.: юридическая природа и пути эволюции // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. №4 (15). С. 20-23.
10. Каштанов С.М. Жалованные акты на Руси XII-

RESPONSIBILITY PROBLEMS IN APPOINTED DIPLOMAS

© 2014

Yu. V. Ospennikov, doctor of jurisprudence, professor of chair of the theory and history of state and law
Samara law institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation, Samara (Russia)

Annotation: Results of the analysis of two elements of the form of appointed diplomas (dispositio and sanctio) which allowed to give definition of appointed diplomas, new to historical and legal science, to reveal criteria of their difference from other diplomas with which they are mixed often. Questions of legal responsibility in appointed diplomas are separately considered.

Keywords: sources of the Russian law, law of the Moscow state, appointed diplomas, classification of diplomas.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

© 2014

А.В. Оськин, заместитель руководителя следственного управления, полковник юстиции
Следственный комитет Российской Федерации по Самарской области, Самара (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы юридической ответственности органов предварительного следствия, на примере следователя и руководителя следственного органа, за ненадлежащее исполнение ими своих процессуальных полномочий. Обосновывается вывод о целесообразности использования в таком качестве двух видов юридической ответственности – уголовной и дисциплинарной.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, следователь, руководитель следственного органа, юридическая ответственность, уголовно-процессуальная ответственность, уголовная ответственность.

Согласно ч.1 ст.38 УПК РФ, следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. И хотя закон применительно к глаголу «осуществлять» не содержит термина «самостоятельно», перечень полномочий следователя, содержащийся в ч.2 указанной статьи, возлагает на него право самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, что позволяет рассматривать следователя в качестве отдельного участника уголовного процесса, обладающего процессуальной самостоятельностью. С другой стороны, в соответствии со ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных и процессуальных действий и т.д. При этом указания руководителя следственного органа по уголовному делу обязательны для исполнения следователем.

При анализе и сопоставлении данных нормативных положений очевидно, что допускается определенная несогласованность, противоречивость в регулировании процессуального статуса следователя в решении одних и тех же вопросов: по одной норме он самостоятелен, а по другой – подчинен своему руководителю. В практической деятельности, в условиях иерархичной структуры следственных органов и субординационной основы взаимоотношений между должностными лицами, второй аспект является доминирующим. В результате следователь предстает не как самостоятельный участник уголовного судопроизводства, а как лицо, действующее под началом своего руководителя (РСО) и в единстве с ним. Такой «союз» следователя со своим непосредственным руководителем в рамках уголовно-процессуальных отношений предполагает объединение их процессуальных статусов и опосредует возникновение нового процессуального субъекта – органа предварительного следствия, обладающего собственными процессуальными полномочиями. Следовательно, говоря о процессуальной самостоятельности субъекта, осуществляющего

предварительное следствие по уголовному делу, целесообразно и логически обоснованно говорить не о конкретных должностных лицах следственных органов (следователе либо руководителе следственного органа), а об органе предварительного следствия, образованном посредством соединения двух участников - следователя и его руководителя, а в отдельных случаях и иных должностных лиц, привлекаемых к расследованию уголовного дела. Именно орган предварительного следствия является процессуально самостоятельным субъектом, осуществляющим предварительное следствие самостоятельно и независимо от остальных участников уголовного судопроизводства. Относительно следователя и руководителя следственного органа стоит согласиться с С.И. Вершиной, по мнению которой, в уголовно-процессуальных отношениях они выступают не как отдельные лица, а как представители государственного органа, осуществляющего функции расследования и уголовного преследования [1].

Рассматривая орган предварительного следствия в качестве соединенного, «суммированного» субъекта, мы неизбежно столкнемся с проблемой юридической ответственности должностных лиц, образующих этот орган. Это далеко не частный вопрос. Как верно отметил заместитель председателя Верховного Суда РФ В.Н.Мартышкин, выступая на научно-практической конференции «Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (24 и 25 ноября 2010 г. Нижний Новгород), «одной из гарантий от произвола и юридических ошибок является повышение персональной ответственности правоприменителя...» [2]. Заметим, речь идет не об ответственности государственных органов, а об ответственности должностных лиц, что является действенным инструментом организации эффективного и качественного уголовного процесса. В связи с этим возникает вопрос: следователь либо его руководитель, необходимо рассматривать в качестве правоприменителя при производстве по уголовному делу и привлекать к юридической ответственности за ненадлежащее исполнение уголовно-процессуального закона.